

**Из выступления академика Е.М. Примакова,
министра иностранных дел Российской Федерации
на VI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике
(14 марта 1998 г., пансионат «Лесные дали»)**

Говоря о внешней политике современной России, необходимо прежде всего ответить на подспудно поднимаемый многими вопрос: *нужна ли современной России диверсифицированная активная внешняя политика?*

Сегодня экономика России все еще находится в кризисном состоянии, хотя и есть определенные признаки, которые во всяком случае позволяют быть очень сдержанными оптимистами. Не завершена военная реформа, и поэтому нельзя говорить, что наши вооруженные силы уже сейчас приспособлены для того, чтобы играть очень активную роль и отвечать на те вызовы современности, которые образовались после окончания «холодной войны».

В этих условиях нужна ли вообще активная диверсифицированная внешняя политика на уровне мирового игрока на международной арене? Или же нам следует сосредоточиться, уйти вовнутрь, подтянуть тылы и потом только активно выступать с диверсифицированных позиций, действовать по всем направлениям?

Для меня ответ на этот вопрос однозначен. Да, нужна. Пусть нам трудно, пусть у нас нет сегодня таких экономических средств осуществления внешней политики, как, например, займы, кредиты и т.п. (а внешняя политика, особенно великой державы, как известно, всегда опирается на эти рычаги). Пусть наша военная мощь несопоставима с той, которая была раньше (ни в коей мере при этом не испытываю ностальгии по тому периоду, когда мы угрожали всем).

«России сегодня нужна именно активная, диверсифицированная, осуществляемая по всем направлениям внешняя политика».

Но для МИДовцев нет никакого сомнения в том, что России сегодня нужна именно активная, диверсифицированная, осуществляемая по всем направлениям внешняя политика.

Прежде всего она нужна по внутренним причинам, потому что необходимо создавать более благоприятные условия для решения целого ряда крупнейших, очень важных внутренних задач, стоящих перед страной. Среди этих задач можно назвать такие, как, сохранение территориальной целостности России, как плавное вхождение в мировое хозяйство не в качестве сырьевого придатка, а в качестве равноправного участника разделения нового международного труда.

Активная внешняя политика нужна для того, чтобы не давать внешним силам играть на противоречиях между странами СНГ (а такие попытки мы наблюдаем и чувствуем достаточно осязаемо).

Она необходима для того, чтобы способствовать наименее болезненной реструктуризации производства в России, унаследовавшего от советской экономики огромный флюс — 70 процентов валового внутреннего продукта у нас так или иначе связаны с военным производством. И сейчас, когда происходит тяжелая, трудная диверсификация и конверсия, надо сделать все для того, чтобы эти структурные изменения шли нормальным образом. А для этого в числе прочих мер нужно способствовать экспорту вооружения, в известной мере и для того, чтобы

сохранить ту часть военного производства, которая необходима для обороноспособности страны.

Наконец, нам нужна во внутреннем плане активная внешняя политика для того, чтобы поддержать российский капитал в его стремлении закрепиться на мировых рынках.

Среди внешних причин, по которым нам нужна активная диверсифицированная внешняя политика, осуществляемая на уровне мировой державы, надо отметить следующие. Окончание «холодной войны», завершение конфронтационной стадии жесткого противостояния между двумя системами, деидеологизация международных отношений — все это привело к тому, что действительно исчезла угроза глобального уровня. Такой опасности сегодня нету, но есть новые угрозы, которые перешли на региональный уровень.

Эти угрозы связаны прежде всего с расширением зоны конфликтов. Вряд ли кто-то из нас в годы «холодной войны» мог предполагать, что конфликтная зона продвинется в Европу так далеко. А мы сегодня видим, что делается на бывшей территории Югославии.

Сейчас мы сталкиваемся с серьезнейшей угрозой распространения оружия массового уничтожения. В годы «холодного» противостояния существовал замкнутый ядерный клуб. Государства, входившие в него, владели в том числе и бактериологическим, и химическим оружием. Сегодня эта монополия нарушена, идет быстрое распространение ОМУ. Уже появились неофициальные ядерные государства, и многие подходят к той черте, когда будут обладать ядерным оружием. В этих условиях, чтобы противодействовать этому, Россия должна быть на мировой арене в качестве одного из основных игроков.

Еще один очень важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. Нам сегодня нужно делать все возможное для того, чтобы не появилось новых разделительных линий в Европе и в мире. Эта задача, которая решается внешней политикой России, имеет кардинальное значение. Разделительные линии существовали во время «холодной войны». Теперь, когда мир отходит от острой конфронтационной стадии своего развития, появление новых разделительных линий было бы чревато созреванием новой обстановки, которая могла бы породить новые угрозы мирового масштаба.

Другой вопрос, который сегодня ставится многими исследователями внешней политики: следует ли вообще вести речь о европейской безопасности и о борьбе за европейскую безопасность в нынешних условиях?

Если рассматривать данную проблему с точки зрения существовавшей прежде глобальной опасности, то Европа перестала быть источником угрозы глобального конфликта. Однако если подходить к проблеме европейской безопасности с точки зрения противодействия региональным угрозам, конфликтным ситуациям в Европе, осуществления миротворческих миссий — то ответ будет уже иным. Активное участие России в решении проблем европейской безопасности позволяет прежде всего противодействовать возникновению новых разделительных линий на континенте.

Вот почему когда мы подписывали «Основополагающий акт», то мы подписывали его не потому или главным образом не потому, что мы боялись, что в противном случае НАТО нанесет удар по России. Нет, мы не так примитивны, как

нас подчас пытаются представить. Мы не считаем, что НАТО накапливает сейчас силы и пытается продвинуть свои военные инфраструктуры к нашей территории для того, чтобы нанести удар по России.

Но за подписанием основополагающего акта стоит стремление России не допустить установления НАТОцентризма в Европе, потому что если в основу европейской системы безопасности будет положен НАТОцентризм, то вот это как раз создаст реальную угрозу появления новых разделительных линий.

Поэтому понятно, что мы делаем акцент на ОБСЕ, не только потому, что ОБСЕ — многофункциональная организация, а потому, что ОБСЕ объединяет в себе и тех, кто участвует в блоках, и тех, кто занимает нейтральную позицию, и тех, кто в блоках не участвует, но и «нейтралами» их не назовешь.

К активности на международной арене Россию подталкивают и те тенденции складывающегося миропорядка, которые стали развиваться с окончанием конфронтационного периода на глобальном уровне. Одной из таких тенденций является переход от двухполюсной к многополюсной системе международных отношений. Эта многополюсность базируется на неравномерности мирового экономического развития. Причем, неравномерность экономического развития имела место и во время «холодной войны». Существовал такой центр как Япония. Складывался мощный полюс интегрированной Западной Европы. Китай набирал экономический вес, наращивал мускулы.

«К активности на мировой арене Россию подталкивает и переход от двухполюсной к многополюсной системе международных отношений».

Вместе с тем следует отметить, что в годы «холодной войны» все-таки действовали центростремительные тенденции вокруг двух полюсов, и это приводило к совершенно определенному воздействию на всю систему международных отношений. Центростремительная тенденция в отношении западного полюса базировалась, главным образом, на стремлении западных государств иметь над собой «ядерный зонт» Соединенных Штатов. На нашем полюсе эти центростремительные тенденции во многом носили искусственный характер и создавались нашей активностью.

Так или иначе, но эти две тенденции действовали. Но как только мир перестал быть двухполюсным, как стали быстро развиваться и набирать силу центробежные тенденции. Этот процесс более ярко проявился на Востоке, но и на Западе его тоже ощутили. У нас это привело к распаду Варшавский договор, а затем и СССР, появились определенные разногласия, разночтения между бывшими республиками Советского Союза. Но и на Западе оказались сняты оковы союзничества, которые существовали во время «холодной войны» и это также создало условия для развития центробежных тенденций, дало простор для определенной политической самостоятельности европейского центра, других центров в мире.

Есть еще один момент, который нам следует, очевидно, учитывать. Он заключается во взаимозависимости, взаимообусловленности, взаимовлиянии современного мира. Эта взаимозависимость, ставшая одним из самых главных результатов развития производительных сил на постиндустриальном отрезке времени, сейчас оказалась раскована в гораздо большей степени, чем это было в

годы «холодной войны». Таким образом, появляющийся сейчас многоцентризм неразрывно связан с взаимозависимостью мира.

Но в то же самое время сегодня в мире действует и другая контртенденция. Эта контртенденция проявляется в стремлении, в попытках создать моноцентричный, однополюсный мир. При этом имеет место определенное смещение понятий. Например, если говорить о такой категории, как «сверхдержава», то эта категория свойственна только периоду конфронтации, «холодной войны». Сегодня она — в какой-то степени пережиток прошлого. Но если рассматривать по комплексу параметров — военных, экономических, политических, территориальных, демографических, международных и иных, — то в мире сегодня осталась единственная крупная держава — Соединенные Штаты. Но означает ли это автоматический переход мира к однополюсной системе? Что все мировое развитие должно происходить в интересах и под влиянием только одной, пусть даже столь мощной державы?

Нет, мы так не считаем. И не только мы отвечаем на этот вопрос «нет». Даже в Латинской Америке, в странах, которые, подобно Мексике или Венесуэле, десятками, сотнями тысяч уз связаны в экономическом отношении с Соединенными Штатами, хотят активизации роли России в этом регионе для того, чтобы контрбалансировать своим присутствием существующее сегодня положение, когда одна держава доминирует и подчиняет своему влиянию все и вся на континенте.

Другой пример. Как отреагировал мир на активность российской внешней политики в разрешении последнего иракского кризиса. Российский МИД получал благодарности за свою участие в мирном разрешении этого кризиса буквально отовсюду, хотя российские дипломаты абсолютно не выпячивали свою роль. Но так или иначе все заинтересованные стороны оказались чрезвычайно довольны тем, что нашлись силы — Россия, Франция, Китай, другие члены мирового сообщества, которые сбалансировали обстановку таким образом, что Соединенные Штаты не смогли нанести в тот раз удар по Ираку. Кстати говоря, такой удар был бы очень невыгоден и самим Соединенным Штатам. И многие американцы также считают, что мирное разрешение кризиса позволило им достойно выйти из очень неприятной для них ситуации.

Наша позиция: Россия должна играть активную роль на мировой политической сцене. Но еще один чрезвычайно важный вопрос: может ли Россия играть роль одной из ведущих мировых держав? Мы считаем, что может. Этому способствуют несколько факторов.

Во-первых, Россия остается второй ядерной державой. Наши стратегические ядерные силы находятся в достаточно хорошем состоянии. Мы — постоянный член Совета безопасности ООН, а его роль сегодня все более возрастает, о чем свидетельствовал и кризис со спецкомиссией ООН в Ираке. Мы обладаем большим политическим потенциалом, который был накоплен еще в годы существования Советского Союза. Мы имели чрезвычайно большое влияние в различных районах мира, которое основывалось не только на нашем негативном стремлении к доминированию или к разжиганию революционных ситуаций. Наконец, этому содействует и стремление многих государств сбалансировать тенденцию к однополюсному миру. Огромный экономический потенциал России, громадность ее территории, интеллектуальный потенциал ее населения — все это свидетельствует о

том, что мы можем в перспективе играть еще более активную роль в качестве позитивной силы на международной арене.

Одной из главных задач внешней политики России после «холодной войны» стала нормализация отношений с бывшими противниками. Но перед нами стоял выбор — нормализовать эти отношения любыми путями, любой ценой, в том числе принимая конфигурацию отношений «ведущий-ведомый», лишаясь при этом самостоятельности во внешней политике. Либо стремиться играть на равных. Мы выбрали второй путь, единственно возможный для России. Но в то же самое время и на Западе, и в России есть понимание, что после окончания конфронтационного периода у нас появилось очень большое поле совпадающих интересов.

Важнейшим направлением российской внешней политики является развитие и укрепление наших отношений со странами-участницами СНГ. К сожалению, на этом направлении были допущены серьезные промахи. Можно сказать, что 1992-1993 годы были потеряны для СНГ в результате чего развились процессы, которые во многом стали необратимыми. Приходится с этим считаться. Многие из стран СНГ — и это совершенно естественно — стремятся защитить свои интересы, понимая их в узко национальном плане. Другое дело, что это может в определенном плане противоречить интересам России. В этих случаях внешнеполитическое ведомство совместно с другими государственными организациями, отвечающими за это направление, стремится находить развязки.

Например, Грузия стремится сегодня проложить по своей территории нефтепроводы для перекачки азербайджанской нефти через Турцию. Одна из развязок в этом вопросе может заключаться в том, чтобы казахская нефть Тенгиза, ранняя азербайджанская нефть шла по нашей территории по нефтепроводу на Новороссийск, но частично она может идти и через Грузию. Нужно находить какие-то развязки, которые бы учитывали интересы других стран СНГ.

Наконец, еще одним важным направлением деятельности нашей дипломатии является поддержка русскоязычного населения, оказавшегося после ликвидации Советского Союза за рубежом. Здесь перед нами с самого начала возникла такая дилемма: способствовать ли тому, чтобы русскоязычные неграждане соседних бывших советских республик ушли к нам, в Россию, либо закреплять их на местах? Ведь зачастую мы даже не задумываемся вот над каким обстоятельством. Если бы у нас в России была соответствующая «генетическая» готовность к миграции — подобно Соединенным Штатам, где люди живут сначала на восточном побережье, потом на западе, потом в Бостоне или где-то в центре, потом в Техасе и так далее — то тогда можно было бы рассчитывать на то, что значительная часть или большая часть этого населения пришла бы в Россию.

Тогда следовало бы стимулировать это возвращение, чтобы исправить ненормальную ситуацию, когда у нас всего 15 миллионов россиян живут за Уралом до Тихого океана. Это — ненормальная ситуация, мы никогда твердо не станем на ноги, если не сможем освоить этот огромный район.

Но, к сожалению, нет никаких оснований считать, что это русскоязычное население, если оно придет к нам, то оно пойдет осваивать Сибирь, Дальний Восток или те места, которые очень нужны для развития в первую очередь. Возьмем, к примеру, Москву или любой другой крупный центр в России. У нас часто люди, не имеющие работы, предпочитают сидеть в ожидании государственной помощи, в то время как за 150-200 километров есть работа, но они туда не поедут. Конечно, во

многим здесь сказывается и то, что жилье еще не стало свободным и доступным товаром и нельзя его по-настоящему продавать и покупать во всех городах. Но и отсутствие генетического импульса к миграции имеет очень существенное значение.

Значит, основной выход — закреплять русскоязычное население на месте его нынешнего проживания. Это значит бороться против того, чтобы демографическая политика в соседних государствах осуществлялась таким образом, чтобы способствовать вытеснению русских. Есть очень много свидетельств тому, что в странах Балтии, главным образом в Латвии и Эстонии, проводится именно такая целенаправленная политика по изменению демографической ситуации. В этом одна из причин, почему мы так остро реагируем, если абстрагироваться, от прочих гуманитарных аспектов этой проблемы. Но осуществляя нажим на правительства этих государств российский МИД стремится к взвешенным решениям, потому что, например, безудержная экономическая блокада, если бы она имела место, могла бы ударить как раз по русскоязычному населению.

В целом же в концептуальном отношении главным во внешней политике России было и остается обеспечение в широком плане государственных и национальных интересов нашей страны с помощью диверсификации и активизации внешнеполитических усилий при одновременном стремлении не допустить новой острой конфронтации.